

ричитает, другая упадет за смертью или сделается как каменная, смотрит в одну точку. Долго не отходит, не кричит, слез нет, а это еще хуже. Пусть бы выплакалась. Старухи брызнут на нее святой водой, проведут по лицу ладанью, а потом подведут к ней детей. Вот это приводило ее в чувство. Обнимет детей и заплачет.

Матери, которые получали «похоронки» на сыновей, сидели за одну ночь.

Самое радостное было приносить письма с фронта, письма тех, кто оказывался живой, а его считали погибшим или пропавшим без вести, а он выходил из окружения или был у партизан, — к таким я бежала бегом».

Я ближе подошла к дому, та же скамейка у ворот, в палисаднике две рябины, черемуха, которые, наверно, нас помнят, но давно нет Сусанны Андреевны.

*Не встречает никто,
Здесь чужие живут,
Как полвека назад
Две рябины цветут.*

Многие дома подняты на новые венцы, а другие остались такими, какими были при нас, вроде стали меньше ростом, все к старости клонятся к земле...

Вот и последние дома. Я вышла на луг, было видно нашу рощу, но до нее еще с полкилометра. Еще немного и стало слышно, как шепчутся березы.

Подхожу... в роще чисто, как выметено. Постарели наши поилыцы. Всю войну мы, дети, не пробовали сахара, а так хотелось сладкого. И вот по талому снегу мы ходили сюда пить березовку. Аккуратно протыкали кору, ждали первую каплю. А она, первая как слеза, скапывалась нам в ладошку, потом втыкали маленький желобок, сделанный из консервной банки, и сок по нему капал в кружку. Мы брали немного, лишь бы напиться, домой не носили. Маленькую ранку на березе заклеивали еловой смолой.

Вижу, вон одна, другая засохли березы. Напоили нас, голодных, и засохли... Я прошла по опушке, потрогала шершавую теплую кору. Зачем мы все уезжаем от вас, от родной земли, маемся, скучаем вдалеке, а сердце все время рвется опять сюда?

Простите нас... наши поилыцы. Вы отдали нам свои соки, по этому, наверно, мы и не болели, хотя жили впроголодь. Приходили к

вам в дырявой обуви, проваливаясь в весенний, талый снег, к спасительницам.

В народе березу зовут нянькой. Чтобы лучше росли саженцы, их сажают поближе к березе, и она заботится о них.

Вот и мы всю войну жались к ним, они нам помогли выжить.

Когда я в очередной раз приехала на Родину, встретила с одноклассниками, мы все как родственники, т.к. родом из военного детства, каждый из нас ранен той войной.

После встречи хотели сходить в нашу рощу, но кто-то сказал: «Не ходите, нет рощи, спилили березы, хотели что-то строить, да так и бросили. Не ходите, пусть она останется у вас в памяти такой, какой была в вашем военном детстве...».

Когда поет курский соловей, пушки не молчат...

Этот рассказ я прочитала во фронтовой газете Уральского добровольческого танкового корпуса. Газета лежала на дне чемоданчика, с которым приехал отец в отпуск по ранению после Курской битвы.

Наша линия обороны проходила по бывшему колхозному саду. От всего сада уцелела только одна старая яблоня, которая стояла между нами и немцами, на довольно высоком пригорке. Было это недалеко от маленького городка с очень теплым и мягким названием — Обоянь.

Установилась такая тишина, какая бывает на фронте перед наступлением. И вдруг... в этой тишине запел соловей. Он взял такую высокую ноту, наверное хотел обратить на себя внимание. «Проклятая война перепутала все, в это время соловьи почти не поют», — сказал кто-то. А соловей пел... Сибиряки вспомнили свои березовые рощи, уральцы — тонкие рябины, украинцы — цветущие яблоневые сады, белорусы — вишневые сады. Соловей пел... И вдруг... сначала послышался вой, а затем взрыв. Когда дым рассеялся, мы увидели, что у яблони нет верхушки. «Убили...», — сказал стоящий рядом со мной солдат. А соловей запел снова. Он выводил такие трели, что дух захватывало. Так мог петь только курский соловей. Казалось, что весь фронт слушал соловья. Снова раздался вой и взрыв. Немцы явно целились в соловья. Когда дым рассеялся, у яблони обгорел один бок. «Убили!» А соловей снова запел. «Настоящий гвардеец! Так им! Пой!» и он пел. Знамени —